

УТВЕРЖДАЯ ЖИЗНЬ

За пульт вступает молодой, неизвестный доселе дирижер, и обычная внимательность зала делается внимательностью особого рода. Этот интерес — не к деталям, и не столько даже к дирижерской технике, и не к умению — или неумению — подчинить себе оркестр и вести его за собой. При первой встрече взгляд особенно ясен, не затуманен привычкой и видит дальше обычного и больше обычного спрашивает. И вот главный вопрос, какому задается зал: во имя чего, утверждая что, за что борясь, пришел человек в искусство, определил ли свои интересы в нем и может ли сказать о них — «дело моей жизни»...

Первое выступление в Тбилиси молодого дирижера Вахтанга Жордания состоялось в прошлом году, и тогда на этот главный вопрос ответили разом и программа, выбранная музыкантом, и ее толкование. В центр программы встала Пятая симфония Шостаковича — сочинение высочайшей духовности, редкое по масштабу и эмоциональному накалу взятого в его основу конфликта, сочинение страстно-гражданственное. Начинать сразу с такой высоты — смелость, чтобы не сказать — дерзость. Очень просто здесь сломать шею.

Пятая симфония прошла

в тот вечер, пронизанная вся, как сильным электрическим зарядом, мыслью, волей, темпераментом дирижера; Драматизм рождался из борьбы, а борьба за правду подчеркнута была дирижером как главное содержание музыки. Нет, жизни, из которой она пришла.

Это был уже не только один, хоть и главный, эпизод программы, но — больше — декларация интересов молодого дирижера в искусстве. Этим обнаружилась его тяга к той музыке, которая есть постоянная, нескончаемая борьба человеческого духа с тьмой, постоянный актив, постоянное действие.

Так заключить — может быть, слишком категорически — давала волю привилегия, а может быть, и неминувшая эпизодичность первой встречи. Теперь уже состоялась вторая. И радостно, что она, в основном, укрепила, продолжила то первое впечатление: в современной ли музыке, в классике ли — дирижер избирает «центр схватки». В последнем концерте это была бетховенская схватка с судьбой — его знаменитая Пятая симфония. Нет нужды напоминать содержание — крылатое бетховенское сравнение «так судьба стучится в дверь» тотчас же вызывает в памяти эти ко-

лючие в самом сердце зывные и всю бурю — то яростный поток, то тревожные затишья, — в которую бросают они оркестр.

В искусстве не всегда важна хронология, но всегда первостепенна преемственность идей. Нам показалась явственной смысловая нить, которая привела В. Жордания от Шостаковича к героике Бетховена. Мы оценили верность его выбора «центра схватки». Мы поняли и приняли возросшую его художественную строгость, сдержанность, отрицание всякой «рубато-латегитки», от которой предостерегал музыкантов знаменитый дирижер Фуртвенглер. Мы порадовались ясности, четкости всего постановочного замысла, стройности целого — ведь демократизм Пятой — одно из главных ее достоинств, и потеря ясности целого в суетологе тематических столкновений, переплетений, напоминаний — значило бы уйти с широкой, просторной дороги, на которой помещаются тысячи людей, народ. Итак, мы с радостью отметили укрепление и развитие принципиальной позиции дирижера. Но согласились с ним на этот раз не во всем. Бетховен не поспешил в Пятой на оркестровые «тутти», не побоялся в однажды в симфонии вспороть воздух ликую-

щими возгласами медных, насытить его сочной плотью звуков. Тем более холодными, жуткими, чуждыми человеческой природе воспринимаются: глухие «удары судьбы». Конфликт серьезен. Он определен также и собственно в звуке. В проведении В. Жордания он получился несколько приглушенным — скорее всего оттого, что не доставало силы как раз в момент взлета, всплеска, в момент гордого противостояния наедине с судьбой и превозмогания ее. Это относится больше всего к первой части симфонии, но мешает порой и в других. Есть такой эпизод в самом конце III части — из смутного, тревожного ожидания рождается одинокий мяукающий мотив: близко, близко выход, он где-то здесь, рядом! — и словно в разлившееся внезапно море, впадает в могучую победную звучность оркестра: выход найден, и к нему устремился народ... Как захватывает здесь дыхание внезапное разрешение, и как хочется здесь жаркого, как солнца, крещендо!

Мы не относим это за счет недостатка артистического темперамента. Напряженность схватки с судьбой отлично ощущается в темповой шкале, взятой дирижером, — и оркестр четко следует каждой смене настроения, темпа, ритма. Так, предельно дифференцированно и вместе с тем слитно прозвучал эпизод фугато из III части. Так, словно бы сжимаясь все более частыми и мелкими спиральными вихрями, взрывается ритм в последнем эпизоде финала

перед ликующим разрешением.

В. Жордания, так же как в прошлый раз, выступил и в «диалоге» — сольной была студентка тбилисской консерватории Русудан Гвасалия. И несмотря на то, что в ее исполнении скрипичного концерта Чайковского не всегда хватало технической уверенности и это порой сказывалось на качестве звука, ощая музыкальность и искренность юной скрипачки сделали ее выступление событием небезынтересным. Задача дирижера в ансамбле с недостаточно опытным солистом сложна, обычно вдвойне. В. Жордания выполнил ее с достаточным тактом и воодушевлением.

В тот же вечер молодой дирижер вместе с ведомым им Государственным симфоническим оркестром Грузии показал, что близок ему и «малый» симфонический жанр. С легкостью, блеском, в хорошем темпе были исполнены «Легкая увертюра» О. Токатишвили, «Сачидао» Р. Лагидзе и «Венгерский танец» Брамса.

Мы вправе ожидать от дирижера еще более интересного продолжения его творческой биографии — в стенах ли Ленинградской филармонии, стажером которой он в настоящее время является, в концертных ли залах Тбилиси, на спектаклях ли Тбилисского оперного театра, куда он приглашен в близком будущем дирижировать «Аидой»... И хочется думать — эта будущая биография В. Жордания не уйдет от «центра схватки» в который поставила его совесть художника.

Т. ЧАНТУРИЯ.